

УДК 343

Е.В. Соловей

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБМАНА И ПРОВОКАЦИИ ПРИ ДОПРОСЕ: ВЗГЛЯДЫ ТЕОРЕТИКОВ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В статье рассматривается проблема использования обмана и провокации при допросе, анализируются мнения ученых по этому спорному вопросу. Автор приходит к выводу, что определяющим критерием правомерности психического воздействия при допросе признается сохранение допрашиваемым свободы выбора своей позиции, в связи с чем предлагаются практические рекомендации по тактике допроса в уголовном процессе.

Введение

В юридической литературе высказываются различные мнения по поводу допустимости использования обмана со стороны должностных лиц, уполномоченных на проведение процессуальных действий, в процессе расследования (в частности, при допросе). Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) данный вопрос не урегулирован, в уголовном праве обман не является способом принуждения к даче показаний в смысле ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

В специальной криминалистической литературе часто встречаются такие выражения, как «следственная хитрость» и «психологическая ловушка». Они направлены на создание условий для формирования у лица, противодействующего расследованию (дающему ложные показания или отказывающемуся от дачи показаний), ошибочных представлений о тех или иных обстоятельствах дела, целях и осведомленности допрашиваемого и его действиях.

Некоторые ученые-юристы высказываются против использования терминов «хитрость» и «ловушка», обосновывая это тем, что «у допрашиваемого всегда остается свобода выбора и имеются условия для реализации этого выбора». К.В. Пронин не соглашается с такой точкой зрения и сравнивает применение следственных «хитростей» и «ловушек» с действиями «наперсточника». Получается, что его («наперсточника») действия не являются ни «хитростью», ни «ловушкой», поскольку у клиента остаются и свобода выбора, и условия для его реализации: он сам добровольно соглашается рискнуть своими деньгами в надежде на крупный выигрыш и имеет возможность наблюдать за действиями «партнера». Другое дело, что профессионализм «наперсточника» почти не оставляет любителю легкой добычи ни единого шанса на выигрыш. Названный автор считает, что в целях устранения противоречивых суждений необходимо называть вещи своими именами, тем более что семантически «целенаправленное формирование ошибочных представлений» и «сознательное введение в заблуждение» (или, проще говоря, обман) имеют одинаковую смысловую нагрузку [1].

При расследовании преступлений средством формирования ошибочных представлений служит тактическая комбинация, реализуемая в процессе допроса. Она включает формирование у допрашиваемого ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям, формирование у допрашиваемого ошибочного представления об осведомленности лица, проводящего расследование. Спорным является вопрос о возможности приме-

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

нения в ходе допроса т.н. инсценировки предъявления доказательств, когда как бы случайно предъявляются не доказательства, имеющиеся в наличии у следователя, а предметы, похожие на доказательства. Инсценировки обычно применяются, когда в деле нет реальных доказательств [1].

Рассмотрим классические примеры.

1. Подозреваемый в совершении кражи упорно отрицал на допросе свою причастность к преступлению. К следующему допросу следователь нашел один из предметов, аналогичный похищенному, и поместил его на сейф, накрыв газетой, но так, чтобы его можно было рассмотреть с места, на котором будет сидеть допрашиваемый. Пригласив подозреваемого, следователь стал детально расспрашивать его о предыдущей судимости, занятиях после освобождения из колонии, не затрагивая вопроса о краже. Подозреваемый все время бросал взгляд в сторону сейфа, отвечал на вопросы с промедлением, односложно, а затем, сказав: «Хватит об этом», – подробно рассказал о совершении кражи, о месте нахождения похищенного, где оно было обнаружено. Мог ли подозреваемый, не будучи причастным к краже, узнать этот предмет и таким образом прореагировать на него? Но правомерным подобный обман будет только тогда, когда подозреваемый без прямого давления со стороны следователя сам примет решение: реагировать на представленную информацию или сделать вид, что ничего не произошло [2].

2. При обыске в квартире А., проводившемся в его присутствии, было изъято сравнительно немного ценностей. Из оперативных источников следователю было известно, что у А. должно находиться значительно больше ювелирных изделий, украденных из ломбарда. Однако на допросах А. утверждал, что у него ничего больше нет. Тогда следователь решил прибегнуть к инсценировке. Перед вызовом А. на очередной допрос он разложил на своем столе золотые изделия и бриллианты, изъятые у других обвиняемых. Когда А. ввели в кабинет, он в течение нескольких секунд с отдаленного расстояния, исключающего возможность детального рассмотрения, смотрел на разложенные на столе ценности, которые следователь тут же начал убирать в пакет, бросив конвоиру фразу: «Подождите минуточку». Конвоир вывел А. в коридор, а когда вновь ввел его в кабинет, ценностей на столе у следователя уже не было. В ходе допроса следователь задавал вопросы, касавшиеся малозначительных деталей преступной деятельности А. Допрашиваемый был в подавленном состоянии, хотя и старался выглядеть равнодушным и не выдавать своего волнения. Возвратившись в камеру, он попросил бумагу и написал заявление, в котором указал места хранения всех ценностей, добытых преступным путем [1].

Прием «формирование ошибочного представления» достигается созданием условий для формирования у допрашиваемого ошибочного представления. Лицо, выстраивающее тактическую комбинацию, не формирует такого представления, не воздействует в этом направлении непосредственно на подследственного, а только создает такие условия, при которых это формирование становится возможным. Случится это или нет – зависит и от мастерства допрашивающего, и от психологических качеств допрашиваемого. Прием «создание впечатления осведомленности следователя об обстоятельствах события» – это тоже формально обман, а, точнее, создание видимости знания, на которое допрашиваемый реагирует (или не реагирует) сам. В.П. Бахин приводит такой пример. При допросе подозреваемых в совершении краж из железнодорожных составов следователь широко использовал информацию специалистов о технологии обработки рефрижераторных поездов, режиме их работы, расположении и использовании в качестве тайников для перевозки похищенного секций, ниш и других мест поездов, применяемой железнодорожниками терминологии и т.п. Все это подозреваемые оценили как знание следователем конкретных фактов и обстоятельств совершенных ими преступлений и дали признательные показания [2].

По вопросу подобных действий мнения специалистов в области уголовного процесса и криминалистики кардинально расходятся. Некоторые ученые считают действия следователя эффективными, но противозаконными. Согласимся с мнением С.Ю. Якушина, который считает, что применение подобных тактических приемов допустимо. В данном случае следователь, ничего не сообщая допрашиваемому, демонстрирует ему определенную обстановку. Допрашиваемый воспринимает эту обстановку и истолковывает ее как свидетельствующую о том, что на допросе нет смысла лгать и следует говорить правду. От следователя не исходит никакой ложной информации, и то, что допрашиваемый ошибается в оценке ситуации, нельзя трактовать как обман со стороны следователя [3, с. 76]. С.Ю. Якушин, комментируя случаи применения подобных «психологических приемов», приводит мнения других ученых. Л.М. Карнеева, А.Б. Соловьев и А.А. Чувилев пишут, что «в ходе допроса можно использовать какие-либо предметы, документы, фотографии, не являющиеся доказательствами, но которые заведомо должны приковать к себе внимание подозреваемого, действительно совершившего преступление, и создать впечатление, что следователь располагает важной, если не решающей уликой» [3, с. 76].

С другой стороны, В.Н. Цомартов полагает, что «такая рекомендация по существу направлена на обман допрашиваемого», что «проведение инсценировок при допросе связано с выполнением таких действий, которые законом не предусмотрены» [3, с. 76]. А.Н. Васильев считает, что «следователь, создавая искусственно преувеличенное представление у допрашиваемого об объеме доказательств в подтверждение его вины, фактически становится на путь обмана» [3, с. 76].

В криминалистической литературе существует понятие «психологические реагенты», т.е. субъективно, лично значимые элементы окружающей микросреды, которые связаны с расследуемым делом. Выступая в роли психологического реагента (раздражителя), эти объекты могут оказать значительное психологическое воздействие на носителя информации, его мысли, чувства, решения, поступки. В узком смысле это понятие включает в себя самые различные материальные объекты природы, тем или иным образом связанные с исследуемым криминальным или некриминальным поведением (следы-отпечатки, орудия преступления, документы, предметы посягательства и средства их транспортировки, аналоги последних и т.д.). Восприятие этих объектов допрашиваемым инициируется лицами, осуществляющими расследование, и может осуществляться по месту их обнаружения, т.е. в естественной для них материальной среде, либо в ином месте производства оперативно-розыскного, следственного действия, куда они ранее были перемещены из предшествующей среды их нахождения, например, в кабинете у следователя. Лицо, являющееся объектом тактического воздействия, восприняв указанный лично значимый для него предмет, не останется безучастным наблюдателем, адекватноотреагирует вербальным или иным способом на полученную информацию и внесет коррективы в демонстрируемую ранее психологическую установку и предыдущее поведение. Это действие нередко приводит к разрушению ранее выработанной установки на отрицание вины и кардинальному изменению позиции в лучшую, с точки зрения установления истины, сторону [4].

Еще одной спорной тактической комбинацией, используемой при допросе, служит формирование у подозреваемого или обвиняемого ошибочного представления о целях тех или иных действий лица, проводящего расследование. Скажем, маскировка целей допроса – по форме обман, а по существу лишь средство получения информации. В.П. Бахин приводит следующий пример: преступники похитили значительные ценности у жителей Киева, Харькова и Москвы. Подозрение в причастности к данной группе пало на жителя Днепропетровска, который в период совершения этих преступлений выезжал из города на своей автомашине. Следователь пригласил его на допрос в помеще-

ние ГАИ и спросил, не проходил ли маршрут его поездки в указанный период через Вологду, где имело место дорожное происшествие с автомобилем сходных характеристик. Не зная истинного интереса следователя и стремясь защититься от подозрения в причастности к ДТП, допрашиваемый показал, что в Вологде он не был, а находился в этот период в Харькове, Киеве, Москве. При этом он сослался на данные, подтверждающие факт пребывания там [2].

В.П. Бахин пишет, что американцы в этом плане идут значительно дальше: чтобы добиться признания подозреваемого в совершенном преступлении, его обвиняют в несовершенном более тяжком, т.е. ставят перед выбором: сознаться в своем или подвергнуться возможной угрозе привлечения за чужое преступление. В этом приеме явно видны угроза и давление. Этот пример является свидетельством уже отмечавшейся необходимости разграничения правомерного и недопустимого [2]. Из сказанного можно сделать вывод: тактическая комбинация предполагает, что проводящее ее лицо маневрирует имеющейся у него информацией о следственной ситуации.

С.Ю. Якушин приводит слова А.М. Ларина: «следственная хитрость», «психологический прием» должны трактоваться как такой тактический прием или совокупность приемов, которые рассчитаны на то, что лица, желающие противодействовать расследованию, могут вопреки своим намерениям выдать существенную для дела информацию, что сущность «психологических приемов» состоит в умелом маневрировании информацией, и следователю не может быть поставлено в упрек как обман или ложь то обстоятельство, что заинтересованные в сокрытии истины лица при применении этих приемов ошибаются [3, с. 77].

Ценность подобных приемов заключается в том, что их применение способствует установлению истины по делу даже тогда, когда следствие не располагает достаточными доказательствами, и тем не менее лицо при отсутствии желания дать правдивые показания так или иначе добровольно их дает. Известно, что обман состоит в сообщении ложных сведений о положении дел или в извращении истинных фактов. Обмануть – значит намеренно ввести в заблуждение, сказав неправду. Конечно, обман можно толковать не только как сообщение ложных сведений, но и как действие или ряд действий, которые имеют целью склонить лицо, на которое они направлены, к ошибке, намеренно вызвать его заблуждение [3, с. 77].

Именно на это толкование обмана главным образом ссылаются авторы, полагающие, что психологические приемы при допросе – так или иначе обман, а поэтому они не должны использоваться. Очевидно, решая вопрос о допустимости использования подобных тактических приемов, эти авторы исходят лишь из общих положений морали.

Согласимся с авторами, которые считают, что решать вопрос о возможности использования подобных психологических приемов следует положительно с учетом принципа допустимости моральных компромиссов при расследовании преступлений. Однако надо помнить, что применять такие приемы можно только в том случае, когда это с необходимостью вызывается объективными особенностями сложившейся следственной ситуации и в конечном счете положительно влияет на решение задач предварительного расследования [3, с. 78].

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова дает несколько определений слова обман. И одним из них является такое: «Ошибочное, мнимое представление, иллюзия». Провокация (от лат. provocatio – вызов) – это подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т.д. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия.

В.П. Бахин приводит слова Р.С. Белкина о том, что реальный обман использовался и будет использоваться в рамках тактических аспектов деятельности следователя,

и нужно лишь выделить и запретить тот обман, который противоречит принципам и целям этой деятельности, угрожает нарушением прав и интересов личности [2].

Р.С. Белкин пишет, что в основе многих тактических комбинаций при допросе лежит такой прием, как создание условий для неправильной оценки недобросовестным допрашиваемым переживаемой ситуации. Как элемент рефлексивного управления этот прием рассчитан на возможную ошибочную оценку того или иного обстоятельства допроса лицом, действительно причастным к этому обстоятельству. Здесь нет ни обмана, ни принуждения допрашиваемого к выбору одной (ошибочной) позиции, ни воздействия, носящего наводящий характер. Дезинформация допрашиваемого, которая может явиться следствием применения этого приема – «дело рук» самого допрашиваемого [5, с. 618].

Р.С. Белкин приводит слова А.Р. Ратинова и Ю. П. Адамова: «Следователю нет нужды прибегать к ложным утверждениям, в его распоряжении имеется неограниченный запас таких средств, как прямой отказ в сообщении данных, которые хотят вывести заинтересованные лица, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого. Такой образ действий, на наш взгляд, не противоречит критериям допустимости тактических приемов» [5, с. 618–619]. Таким образом, должен ставиться вопрос не о том, допустимы или нет обман, дезинформация, провокация и иные подобные средства, а когда и при каких обстоятельствах они могут выступать средствами деятельности, когда и при каких четко определенных условиях они могут использоваться и, соответственно, когда их применение недопустимо.

Р.С. Белкин первым открыто высказался о допустимости обмана и перечислил те случаи, когда обман принципиально недопустим: если обман основан на правовой неосведомленности допрашиваемого, незнании им своих прав и обязанностей, неправильном представлении о правовых последствиях своих действий; на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу; на фальсифицированных доказательствах; на дефектах психики допрашиваемого и иных его болезненных состояниях; на мистических и религиозных предрассудках допрашиваемого лица [2].

Заключение

Определяющими признаками правомерности психического воздействия признаются сохранение допрашиваемым свободы выбора своей позиции, наличие условий для ее выбора и изложения и непротиворечие воздействия принципам законности и нравственности. Т.е. у лица, в отношении которого используются эти средства, всегда должна оставаться возможность свободного выбора поведения. В качестве безальтернативного давления эти средства никогда использоваться не должны. При применении этих средств не должны допускаться нарушения прав личности [1].

Грань между допустимым тактическим приемом и грубой провокацией и обманом весьма прозрачна. Процессуальный закон не всегда может дать однозначный ответ на вопрос о допустимости того или иного приема, ведь каждый допрашиваемый обладает индивидуальными психофизиологическими характеристиками, и то, что может быть вполне допустимо для одного допрашиваемого, для другого может оказаться грубым давлением и психическим насилием. В идеале этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально и с учетом не только процессуального закона, но и норм морали и нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пронин, К.В. Тактика допроса в суде. Процессуальные и криминалистические аспекты : учебн. пособие для ВУЗов / К.В. Пронин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/konstantin_vladimirovich_pronin/taktika_doprosa_v_sude_processualnyie_i_/read_online.html?page=1. – Дата доступа : 23.04.2013.
2. Бахин, В.П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности / В.П. Бахин / Междунар. Славян. акад. наук // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.agentura.ru/library/deza/>. – Дата доступа : 23.04.2013.
3. Якушин, С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений / С.Ю. Якушин. – Казань : Издат. Казан. ун-та, 1983. – 104 с.
4. Образцов, В.А. Криминалистическая психология : учеб. пособие для вузов / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М. : Изд-тво Юнити-Дана, Закон и право, 2002г. – 448 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://books.vmg.pp.ua/Гуманитарное/Пси/Психология/Образцов%20В.А.,%20Богомолова%20С.Н.%20%20Криминалистическая%20психология.pdf>. – Дата доступа : 23.04.2013.
5. Криминалистика : учебник для ВУЗов / Р.С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд. – М. : Норма, 2004. – 992 с.

Solovei E.V. The Use of Artifice and Provocation during the Interrogation: Theorists' Views and Practical Recommendations

The article considers the problem of using artifice and provocation during the interrogation, analyses scientists' opinions on this question at issue. The author comes to the conclusion that the determining criterion of the validity of psychological impact during the interrogation is to keep by the interrogated person the freedom of choice of his/her position and in this connection practical recommendations on the interrogation tactics in criminal procedure are offered.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.09.2013